

АЛЕКС МАРА

ВТОРАЯ ЖЕНА МОЕГО
ДРАКОНА

Аля Арина

Вторая жена моего дракона

<https://litres.ru/74054118>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Беги, Нария, иначе тебя снова запрут! В городе найди мага по имени Калиэстор и вели ему снять печать. Никому не говори, кто ты такая, пока не заберёшь своих детей. И мужу своему не доверяй

Я не помню своего прошлого. Очнулась в хижине знахарки, беременная, и прожила у неё несколько месяцев.

Мне сказали, что мой муж погиб и у меня нет родни, но это оказалось неправдой.

Мой муж жив, у него новая жена, и они забрали моих детей.

Содержание

Глава	4
1	5
2	8
3	14
4	17
5	21
6	26
7	30
8	34
9	38
10	42
11	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вторая жена моего дракона

Глава

– Беги, Нария, иначе тебя снова запрут! В городе найди мага по имени Калиэстор и вели ему снять печать. Никому не говори, кто ты такая, пока не заберёшь своих детей. И мужу своему не доверяй...

Я не помню своего прошлого. Очнулась в хижине знахарки, беременная, и прожила у неё несколько месяцев.

Мне сказали, что мой муж погиб и у меня нет родни, но это оказалось неправдой.

Мой муж жив, и у него новая жена, которая теперь растит моих детей.

1

Всё началось с того, что старая Зильда собралась помирать.

Ни с того ни с сего, посреди бела дня ткнула меня в бок, заставляя подвинуться, и легла на скамью.

– Духи проведали о моих грехах и берут меня к себе раньше срока, – заявила она тоном, не допускающим возражений.

До этого момента Зильда казалась вполне разумной, даже саркастичной женщиной, поэтому такое странное поведение с её стороны заставило меня насторожиться.

– Грехов у меня немало, но этот я с собой не возьму, – продолжила она. – Нария, слушай и запоминай. Под синей плиткой за очагом семь золотых. Они твои. В городе найди мага по имени Калиэстор, скажи, что ты от меня и пришла забрать долг. Вели ему снять печать. Ты слушаешь меня, Нария?!

Смотрю на старуху с сомнением. Мы, можно сказать, почти подружились за месяцы, которые я провела в её хижине на границе королевства драконов. Мой муж и другие родственники погибли в аварии, а меня отправили к Зильде. Она знахарка, выходила меня, вернула к жизни, да и ребёнка моего спасла. Оказалось, что я беременна, и Зильда спасла нас обоих.

Честного говоря, я вообще ничего не помню – ни аварию,

ни мужа, ни родных. С одной стороны это защитило меня от страданий, а с другой – причинило сильную боль. Потому что теперь я живу как... никто. Без памяти, без прошлого, без родни.

Я даже не помню, как сюда попала.

Моя жизнь началась в лесной хижине на краю королевства драконов.

У меня есть только я сама и ещё не родившийся малыш.

А ещё старая знахарка, которая нас спасла.

И которая теперь... умирает?!

– Подожди, Зильда! Даже не думай о смерти! Что у тебя болит? Какую микстуру принести? – Суечусь вокруг неё. Уже не на шутку волнуюсь. За прошедшие месяцы я многому научилась у Зильды, однако перед зовом духов все мы бессильны.

Кажется, Зильда не шутит. Её лицо побледнело, губы посинели. В глазах потускнел уже привычный мудрый свет.

– Слушай меня и не суетись! – велит она хриплым шёпотом. – Мне к духам пора, так надо. Время пришло. А ты беги прямо сейчас, не хорони меня, а то тебя снова запрут. Они почуют мою смерть и придут за тобой. Так что беги, Нария! Ночью снегопад будет, он заметёт твои следы. Сделай всё как я сказала, не ошибись и никому не говори, кто ты такая, пока не заберёшь своих детей. И мужу своему не доверяй... ..

– Зильда?!

Трясу её за плечи, но бесполезно.

Зильда ушла к духам.

А я...

Теперь совсем одна.

Перебираю в мыслях её слова, и... ничего не понимаю.

Зильда выходила меня, но считает это своим грехом?

За мной придут? Меня запрут?

Мне надо бежать?

И самое главное... у меня есть дети?!

2

Некоторое время я просто стою на месте.

Смотрю на Зильду и не верю в то, что её больше нет.
Так не умирают.

Не посреди дня, на жёсткой скамье, с недосказанными словами и чужими тайнами на губах.

– Зильда... – зову шёпотом, хотя знаю, что ответа не будет.

Тишина.

Даже дом словно притих. Очаг погас, травы под потолком перестали тихо шелестеть, будто и они поняли, что хозяйки больше нет.

Внутри меня шевелится страх.

Кто за мной придёт? Что я такого сделала? За что меня запереть?

Кладу ладонь на живот. Там, под шерстяной рубахой, заметно округлившийся живот. Мой ребёнок. Мой единственный якорь в этом мире.

– У меня... есть дети... – шепчу в пустоту и сама пугаюсь этих слов.

Дети. Во множественном числе.

Сердце болезненно сжимается. Если это правда... если где-то живы мои дети, то...

Как я могла их забыть? Как могла оставить?

Голова идёт кругом. Хватаюсь за край стола, чтобы не упасть. Мысли путаются, цепляются одна за другую, не давая ни ответа, ни опоры.

Я могу остаться, похоронить Зильду. Переждать снегопад.

Могу сделать вид, что ничего не произошло.

Но тогда последние слова Зильды будут напрасны.

Найди Калиэстора. Вели ему снять печать.

Я не знаю, кто он.

Не знаю, что за печать.

Не знаю, кем была раньше.

Но я знаю одно: Зильда никогда не говорила просто так. И если даже перед смертью она думала не о себе, а обо мне... значит, опасность реальна.

Я стискиваю зубы.

– Прости, что не хороню тебя, – тихо говорю мёртвой знахарке. – Надеюсь, это сделают те, кто придёт завтра. Однажды я вернусь на твою могилу и расскажу обо всём, что случится.

Опускаюсь на колени около очага. Поддеваю острой спицей синюю каменную плитку. Пальцы нащупывают холод-

ный металл.

Семь золотых. Тяжёлые, настоящие. Никогда в жизни я не держала в руках столько денег. Или просто не помню, что держала.

Я прячу монеты за пазуху, ближе к телу.

Потом переодеваюсь по погоде. Тёплая нижняя рубаха, шерстяное платье, плащ с капюшоном. Повязываю шарф, натягиваю грубые кожаные сапоги. Заплетаю волосы в тугую косу, чтобы не мешали в пути.

Перед уходом оглядываюсь.

Хижина кажется пустой и чужой. Без Зильды она – просто стены и крыша. В ней больше нет защиты, это теперь не дом.

Открываю дверь. Ветер приносит запах снега и хвои.

Выхожу за порог и закрываю за собой дверь. Иду туда, куда указала Зильда.

Туда, где город.

Туда, где ответы.

И, возможно, мои дети.

Иду в неизвестность.

День почти подходит к концу, когда я наконец подхожу к воротам города.

Ноги еле двигаются. Я не позволила себе отдыхать в пути,

слишком боялась, что придётся заночевать в лесу.

Город кажется незнакомым.

Каменные стены, высокие башни, узкие улочки. Во мне не просыпается ни одно воспоминание, но я уже привыкла к пустоте прошлого. Приняла её как данность.

Первое, что я решаю сделать – найти место, где можно поменять деньги. Спрашиваю у прохожего, и он направляет меня на монетный двор.

Захожу в невысокое здание, над дверью которого покачивается деревянный щит с изображением весов. За прилавком сидит пожилой мужчина с суровым взглядом, а вокруг на полках лежат кучки мелких монет и несколько кожаных кошельков.

Я удивляюсь сама себе. Откуда я знала, что такие места существуют? Почему я знаю, где остановиться на ночь, купить еду и разменять деньги, но при этом не знаю саму себя?

Ответов нет.

– Один золотой, – говорю и кладу монету на прилавок.

Мужчина прищуривается, пересчитывает и тихо кладёт передо мной несколько серебряных монет и медных грошиков.

– Будь осторожна с деньгами в этом городе, – говорит он сухо. – Не везде приветствуют чужаков.

Я киваю и улыбаюсь с благодарностью. Значит, я и правда

не отсюда, поэтому не узнаю город.

Кладу грошик на прилавок в знак благодарности и спрашиваю.

– Есть ли в городе таверна, где одинокой чужачке будут рады дать ночлег?

Мужчина кивает.

– Спроси мою дочь Нину в «Старом вороне». Она незаметно проведёт тебя в комнату и принесёт еду.

Я так и делаю. Закутываюсь в плащ и держусь около стен, чтобы не привлекать внимания. В узкой улочке за поворотом замечаю нужную мне вывеску. Из окон льются тёплый свет и звук смеха.

Внутри тепло и шумно. Приятно пахнет пряностями и дымом. Безумно хочется устроиться в кресле у огня, но мне нельзя показываться горожанам, а то появятся вопросы, на которые я не смогу ответить.

Кутаясь в плащ, подхожу к прилавку и прошу позвать Нину. Ко мне выходит невысокая девушка с добрым взглядом и ямочками на щеках. Выслушав меня, кивает. Мы идём по скрипучей лестнице на второй этаж.

Закрыв дверь, устало опираюсь о неё.

Наверное, для другого человека всё это было бы очень просто – прибыть в город, найти еду и жильё. Но я словно ребёнок, заново постигающий жизнь. Вокруг меня только тай-

ны и опасность допустить ошибку.

3

Я просыпаюсь от аромата тёплого хлеба и чего-то мясного, густого, наваристого.

Бледный серый свет просачивается сквозь щели в ставнях, снизу доносятся глухие голоса, звон посуды, запахи.

Сажусь на кровати, прислушиваюсь к себе. Тело ноет, ноги гудят после долгой дороги, но в целом всё очень даже терпимо, если учитывать, какие испытания подкинул мне вчерашний день.

Ребёнок ворочается, и это странным образом успокаивает. Наверное, проголодался. Впрочем, как и я.

Умываюсь холодной водой из кувшина, привожу себя в порядок и почти сразу слышу осторожный стук в дверь.

– Завтрак, – доносится негромкий голос Нины.

Улыбаясь, она ставит поднос на стол, на нём миска с густой похлёбкой, кусок хлеба и кружка с чаем.

Когда дверь за ней закрывается, я некоторое время просто смотрю на еду. Потом начинаю есть – медленно, с наслаждением. Похлёбка горячая, сытная, с кусочками мяса и кореньями. Каждый глоток словно возвращает меня к жизни.

И вместе с этим возвращается тревога.

Калиэстор.

Я должна напомнить магу о каком-то долге и попросить снять печать. Увы, я совершенно не понимаю, что это значит.

Возможно, он сможет мне хоть что-нибудь объяснить, но для этого надо его найти.

Доедаю, вытираю руки о край полотенца и решаю не тянуть. Если действовать, то сейчас, пока город ещё только просыпается.

Выхожу в коридор и почти сразу замечая Нину. Она как раз собирает пустые кружки и миски у соседней двери.

– Вчера на улице мужчины говорили... про одного мага. Калиэстора. Я не всё расслышала. Кто он такой?

Имя производит на неё впечатление. Она слегка приподнимает брови и понижает голос.

– Ого! Сейчас его уже редко вспоминают. Раньше Калиэстор был верховным магом города. Очень сильным. Говорят, он мог творить такие вещи, что другие маги его боялись.

Моё сердце пропускает удар.

– А сейчас? – спрашиваю, стараясь не выдать волнения.

– Сейчас... – Она пожимает плечами. – Он старый уже. Очень старый. Ушёл с должности лет десять назад, может, больше. Живёт на окраине, почти за городской чертой. К нему редко кто ходит.

– А ты... – я колеблюсь секунду, но потом всё-таки спрашиваю, – ты не знаешь, где именно он живёт?

Нина смотрит на меня внимательнее, будто что-то прикидывает. Потом кивает.

– Подожди. Я сейчас узнаю точнее.

Она спускается по лестнице. Я жду её в коридоре, чув-

ствуя, как от волнения учащается дыхание.

Через несколько минут Нина возвращается.

– Спросила у знакомого постояльца, он из тех, кто всё знает. Он сказал, что идти к Калиэстору нет смысла, всё равно не попадёшь внутрь. Старик никого к себе не пускает. Натворил всяких чудес в своём доме – специально, чтобы ему не мешали. Но если захочешь попробовать, то ищи дом за мельницей. Станный дом, едва ли возвышается над землёй, так что не ошибёшься.

Достаю из кармана медный грошик и протягиваю ей.

– Спасибо!

Нина смущённо улыбается, но берёт.

– Удачи тебе, – говорит она тихо. – И... будь осторожна.

Я киваю. Возвращаюсь в комнату лишь на минуту, чтобы надеть меховой плащ. Потом, стараясь не привлекать внимания, спускаюсь по лестнице, выхожу через боковую дверь таверны и оказываюсь на улице.

Холодный утренний воздух обжигает лицо. Город живёт своей жизнью, не замечая меня.

Я натягиваю капюшон и иду в сторону окраины.

К магу.

4

Окраина города встречает меня тишиной.

Шум рынка и гул голосов остаются позади, дома встречаются всё реже. Узкие мощёные улочки заканчиваются, словно их проглатывает лес. Снег здесь не убран, под ногами хрустит наст, ветер свободно гуляет между покосившимися заборами.

Я без труда нахожу мельницу – старую, заброшенную, с лопастями, застывшими, как сломанные крылья.

За ней мой путь перегораживает огромная ива.

Слишком огромная для обычного дерева. Её ветви свисают до самой земли, словно занавес, а кора покрыта странными, едва заметными знаками. Они проступают, когда я подхожу ближе, и тут же исчезают, стоит моргнуть.

И на ней сохранились листья. Посреди зимы.

Я делаю шаг под её крону – и мир меняется.

Воздух становится плотным, вязким. Звуки города обрываются, будто их отрезали ножом. Я оборачиваюсь – дороги больше нет. За моей спиной лишь туман и стволы деревьев, которых здесь не было мгновение назад.

Сердце болезненно сжимается.

– Это... ловушка, – шепчу я сама себе.

А ведь я даже не заметила дома Калиэстора, и меня не предупредили о волшебном дереве.

Собираюсь идти дальше – и тут земля под ногами вспыхивает тонкими линиями света. Они складываются в круг, замыкая меня внутри. Откуда-то сверху раздаётся сухой, бесстрастный голос:

– Назови имя, с которым ты пришла.

Я сглатываю.

– Нария, – отвечаю, хрипя от страха.

Свет дрожит, но не гаснет.

– Назови имя, с которым ты родилась.

И вот тут во мне что-то ломается.

Пустота внутри моей памяти отзывается эхом.

– Я... не знаю, правда ли это моё имя или нет, – выдыхаю.

– Я потеряла память. Если вы Калиэстор, то знайте, что меня к вам прислала Зильда. Она умерла, и перед смертью велела напомнить вам о долге.

Остаётся только предположить, что это и есть Калиэстор или кто-то работающий на него.

Какое-то время вокруг меня тишина. Потом линии медленно гаснут, а голос произносит:

– Проходи. Пустая не лжёт.

Я делаю шаг вперёд – и сразу же вскрикиваю. Пространство вокруг меня искажается, земля уходит из-под ног, и я падаю... но не вниз, а будто вбок. Ветер свистит в ушах, серд-

це замирает. Я инстинктивно прижимаю ладони к животу, как будто могу этим защитить моего ребёнка.

– Прекрати! Я беременна! – кричу, не зная, кому именно.

Падение резко обрывается, и я оказываюсь стоящей на узкой тропе из серого камня. По обе стороны – пустота, в которой медленно вращаются образы: огонь, чешуя, огромные золотые глаза. От них исходит жар и странная сила.

Драконы.

Колени дрожат, но я иду. Шаг за шагом. Не отворачиваясь, не останавливаясь, даже когда кажется, что взгляды следят за каждым моим движением.

На середине тропы в моей груди внезапно вспыхивает боль – резкая, обжигающая. Я вскрикиваю, чуть не падаю на колени. Перед глазами темнеет, а в голове звучит чужой шёпот:

– Бес-с-стыжая... Ты принадлежала мне.

– Нет, – выдыхаю я сквозь слёзы. – Я не знаю, кто я такая, но уверена, что всегда принадлежала только самой себе.

И тогда боль отступает.

Драконы исчезают, тропа растворяется, и я снова оказываюсь на земле – у подножия холма. Передо мной стоит дом, настолько приземистый, что мне в него не войти. Камень его стен словно живой – тёплый, с едва заметным пульсом. Крыша покрыта мхом и рунами, а окна светятся мягким, неестественным светом. Дом кажется одновременно древним и живым, как будто он вырос здесь сам.

Я подхожу к двери. Крохотной, тёмной, без ручки. Не знаю, зачем я это делаю, потому что всё равно в неё не пролезу.

Как только я поднимаю руку, дерево под моими пальцами оживает, и по поверхности двери проступают слова:

– Что ты готова отдать за правду?

Я не раздумываю.

– Всё, кроме моего ребёнка.

Дверь медленно, почти нехотя, открывается. Дом вытягивается вверх, открывая мне проход.

И я делаю шаг внутрь, понимая: назад дороги нет.

Внутри дома тихо.

Не мёртвая тишина, а живая, настороженная, как перед грозой.

Воздух пахнет пеплом, травами и чем-то металлическим. Стены изнутри покрыты рунами, от взгляда на которые начинает болеть голова.

За столом спиной ко мне сидит старик. Сгорбленный, худой, в тёмной мантии, будто сотканной из тени. Длинные седые волосы собраны на затылке лентой. Его руки тонкие, жилистые, но в них чувствуется сила, от которой становится не по себе.

– Ты пришла, – говорит он спокойно, не оборачиваясь. – Значит, Зильду призвали духи.

У меня перехватывает дыхание.

– Вы... знали, что я приду?

Он медленно поворачивается. Его светлые глаза источают холод. Скользят по моему лицу, по плечам, задерживаются на беременном животе... и закрываются.

– Конечно, я знал, что рано или поздно ты придёшь, – произносит он. – Твоя печать кричит. Ты просто не слышишь.

Невольно делаю шаг назад.

– Печать кричит? Значит, печать, про которую говорила

Зильда, ... поставлена прямо на мне? – еле двигаю пересохшими губами. – Что это за печать такая? Зачем она? Кто её поставил?

Маг поднимается. Он оказывается выше, чем я предполагала, и от его присутствия в комнате становится тесно.

– Ты не потеряла память, Нария, – говорит он с безжалостной прямоотой. – У тебя её отняли.

– Отняли... – От волнения хватаюсь за край стола. – За что? Кому я помешала?

– Меня давно перестали интересовать человеческие мотивы, все они одинаковы и скучны. И глупы тоже, – отрешённо говорит Калиэстор. – Я смотрю только на факты. У тебя отняли память и магию. Запечатали.

– Если их запечатали, значит, не отняли насовсем, а просто подавили во мне. Значит... всё это можно вернуть?

Он смотрит на меня долго. Слишком долго.

– Можно, – наконец отвечает. – Но я этого делать не стану. Во мне что-то вспыхивает. Горячее, отчаянное.

– Почему?!

– Потому что ничего хорошего из этого не выйдет, – отрезает он. – Твоя память – это не утраченный кошелёк. Это клинок. И если я верну его тебе, ты порежешься первой.

– Порежусь о мои воспоминания? Что из этого? Это мой выбор, а не ваш!

– Но это мой выбор, снимать твою печать или нет, – рав-

нодушно парирует Калиэстор.

– Зильда велела напомнить о вашем долге. Я прошу вас снять печать! Вы не знаете, что я потеряла! – Мой голос срывается. – Я живу как тень. Не знаю, кем была, кого любила и ненавидела, и что со мной сделали. Мне сказали, что мой муж погиб, когда мы попали в аварию, но теперь оказывается, что это неправда...

– Разве тебе плохо живётся? – резко перебивает он. – Ты жива и свободна. У тебя будет ребёнок. Чего тебе ещё нужно?

– Зильда сказала, что у меня есть другие дети.

Маг недовольно поджимает губы и отворачивается, подтверждая, что это правда.

– Значит, так и есть, – шепчу я. – У меня есть дети, и они живы.

– О них заботятся, – говорит маг недовольным тоном. – Им ничто не угрожает.

– Этого недостаточно, – отзываюсь с моментальной решимостью. – О них должна заботиться я и никто другой. Я их мать!

Калиэстор недовольно хмыкает, ворчит что-то неразборчивое, потом говорит.

– В счёт долга Зильде я готов тебе помочь. Я устрою тебя в городе. Найдёшь работу, снимешь дом. Родишь ребёнка. Будешь жить спокойно, без проблем.

– Без проблем? – Горько усмехаюсь. – С пустотой вместо

жизни?

– Ты будешь жить в безопасности, а это главное, – резко говорит он. – Ты не понимаешь, от чего я тебя уберігаю.

– Тогда объясните! – Делаю шаг к нему. – Если всё так ужасно, скажите! Я выдержу. Зильда предупредила меня не доверять мужу и сказала, что у меня есть дети, и я должна их забрать. Значит, муж меня предал, и мне придётся нелегко. Но я готова на всё!..

– Кроме того, чтобы причинить вред твоему нерождённому ребёнку, – напоминает маг.

– Да, но... я должна знать правду. Прошу вас, верните мне память. И магию.

Взгляд мага становится тяжёлым, мрачным.

– Ты пожалеешь, – произносит он медленно. – Ты возненавидишь меня за это.

– Я возненавижу вас только за то, что вы держите мою жизнь в кулаке и не отпускаете, – шепчу упрямо.

Тишина давит. Дом словно затаил дыхание.

Наконец Калиэстор поднимает руку – и я чувствую, как что-то холодное касается моей груди, будто натягивается невидимая цепь.

– Я сниму печать, – говорит он. – Но запомни: назад дороги не будет.

Встречаю его взгляд, задыхаясь от отчаянной смелости.

– Я готова.

Он кивает.

– Тогда держись, Нария. Потому что правда... – он делает паузу, – сжигает хуже огня.

Он взмахивает рукой, и тогда мир вокруг начинает рушиться.

Я любила его.

Безумно любила.

Это первое, что я понимаю.

Его звали Рэйд, и я любила его больше жизни.

Калиэстор стоит в центре комнаты и чертит посохом круг. Не на полу, а будто в самом воздухе. Линии вспыхивают тусклым серебром, дрожат, наслаиваются одна на другую. Я вижу это краем глаза, но почти сразу перестаю следить. Всё моё внимание уходит внутрь. В себя.

В груди становится тесно, меня словно распирает от высвобождающихся воспоминаний. И от боли, страшной боли. Словно под рёбрами что-то медленно поворачивают, проверяя, на месте ли сердце.

– Не сопротивляйся! – доносится до меня голос Калиэстора. – И не цепляйся за обрывки воспоминаний, скоро они сами сложатся в цельную картину. Пусть всё идёт как идёт.

Я закрываю глаза.

Перед моим внутренним взором мутное, словно запотевшее стекло, покрытое трещинками. За ним что-то есть, я чувствую – живое, важное, моё. Тянусь к нему, и влага на стекле начинает испаряться. За ней проступают детали, слова, картинки.

В висках пульсирует горячая боль.

Линария.

Это имя звучит отчётливо, без сомнений.

– Моё полное имя... – шепчу я. – Линария.

Я вижу себя за стеклом. Я всё та же, но... другая. Не ученица знахарки в поношенном платье, а нарядная, счастливая женщина в большом, светлом доме. Смеющаяся.

Рядом со мной мужчина.

Тёмные волосы, резкие черты лица, короткое, хищное имя, будто удар клинка.

Рэйд.

Сердце сжимается так резко, что я вскрикиваю.

– Рэйд... – Имя срывается с губ, как крик.

Он женился на мне вопреки воле его семьи. Пошёл против приказа отца, который выбрал для него другую невесту, – богатую наследницу одной из самых влиятельных семей королевства.

Однако Рэйд полюбил меня – обычную девушку без денег и связей, да к тому же со средним уровнем магии. Вскоре я забеременела, и мы поженились.

Его семья пришла в ужас, они воззвали к властям, чтобы запретить наш брак, перечеркнуть его. Рэйд – наследник огромного состояния и обширных земель, к тому же он проявил невероятную доблесть, когда служил вместе с великим генералом Лиорданом. Поэтому его отец надеялся, что власти вмешаются и заставят сына выбрать невесту, достойную его положения.

Однако никто не смог разлучить нас с Рэйдом, по крайней мере, не в то время.

Несмотря ни на что, мы поженились и были счастливы.

Я вспоминаю его руки. Тёплые, сильные. Его голос – низкий, уверенный, всегда немного насмешливый. Вижу, как он стоит в дверях, скрестив руки на груди, и смотрит на меня с такой нежностью, будто для него весь мир состоит только из меня и сидящих со мной детей.

Дети.

Воспоминания накрывают волной. Теперь они уже приходят не одно за другим, а все вместе, наплывом.

Мой старший ребёнок – мальчик. Рин. У него серьёзные глаза и слишком взрослый взгляд для маленького ребёнка. Он бежит по комнате с деревянным мечом в руке. Падает, упрямо сжимает губы, но не плачет.

Дочка младше него. Мари. Светлая, как солнечный луч. Она смеётся, цепляясь за мою юбку, и зовёт меня мамой так нежно, что внутри всё тает.

– Мои... – я задыхаюсь. – Мои дети...

Стекло рассыпается, и на меня обрушивается море воспоминаний.

Я вижу, как мы завтракаем вместе. Как Рэйд подкидывает Мари вверх, а я ругаюсь и смеюсь одновременно. Как Рин сидит рядом с отцом и внимательно слушает, будто каждое слово Рэйда – это сокровище, которое он сохранит на всю жизнь.

Я чувствую запах дома. Слышу треск очага. Чувствую себя целой, пока окунаюсь в картины прошлого...

Но потом в них появляется тень.

Вивиен.

Вивиен.

Я вижу её руки, тонкие, звенящие перстнями и браслетами. Ощущаю её магию, холодную и давящую. Чувствую, как меня держат, не давая пошевелиться и даже вздохнуть. Как кто-то говорит, что убивать меня нельзя, потому что Рэйд это почувствует из-за брачной связи. Надо просто избавиться от меня, чтобы я не вернулась.

– Нет... отпустите меня! – выдыхаю, чувствуя, как слёзы текут по щекам. – Верните... верните моих детей... Нет! Я не могу больше на это смотреть! – умоляю сквозь рыдания.

– Можешь и будешь! – припечатывает Калиэстор. – Ты сделала выбор, так что смотри до конца!

Вивиен.

Женщина в дорогом платье, слишком ярком для моего дома.

Ткань переливается при каждом её шаге, ловит свет очага и отражает его холодным блеском. Всё в этой женщине говорит о деньгах, положении, власти.

Прямая спина, холодные глаза, идеально уложенные тёмные волосы. Даже в чужом доме она держится так, словно это мы вторглись на её территорию.

Она смотрит на меня так, будто я – грязь под её сапогами.

Я чувствую этот взгляд всей кожей. Он давит сильнее гадких слов, лишает воздуха, заставляет невольно напрячься. В этом взгляде нет ничего хорошего, только презрение и тщательно скрытая ярость.

Вивиен – сестра великого генерала Лиордана. Его слово не обсуждают, его имя произносят с почтением и страхом. Его влияние простирается далеко за пределы армии, и Вивиен знает это. Она привыкла, что перед ней склоняют головы. Привыкла получать желаемое.

Именно её выбрали в жёны Рэйду, но он не послушался отца и женился на мне. Это стало для Вивиен личным оскорблением.

Она надеялась стать женой Рэйда, это не было тайной. Она смотрела на него так, будто уже считала своей собственностью – ещё до того, как он сделал выбор.

Богатый, красивый мужчина. Доблестный воин, прошедший войну бок о бок с её братом. Человек, чья репутация выстрадана кровью и верностью. Для Вивиен такой мужчина был не любовью, а трофеем. Доказательством её ценности, продолжением статуса, достойным украшением фамильного древа.

Рэйд должен был стать мужем Вивиен.
Так решили за него.

Так было правильно по их меркам.

Но он предпочёл безродную простушку. Меня. Женщину

без титула, без громкого имени, без связей. Ту, кого нельзя вписать в родословную без стыда.

Для Вивиен это стало невыносимым унижением. Не просто проигрышем, а публичным падением. Напоминанием о том, что даже власть и имя не гарантируют победы.

И с этого момента её взгляд на меня перестал быть просто холодным. Он стал опасным.

Какое-то время у нас не было никаких связей с семьёй генерала, но потом однажды Вивиен появилась на нашем пороге. Якобы по приказу брата. Генералу Лиордану понадобилась помощь Рэйда с какими-то военными документами, и он прислал их с Вивиен.

Рэйд не мог ослушаться приказа генерала, и Вивиен осталась у нас. Каждый день они с Рэйдом закрывались в кабинете, чтобы разбирать старые военные бумаги.

Я толком не знала, что именно они делали, но Рэйд однажды признался, что не видит смысла в этих старых документах.

Однако с приказом генерала не поспоришь.

Вивиен ходила по нашему дому злой тенью. Я то и дело ловила на себе её ненавидящий взгляд. Один раз я услышала, как она говорит Рэйду.

– Линария – безвкусная простушка, у неё даже имя безвкусное. Ты правда считаешь, что она тебе ровня? Ты унизил себя этим браком.

Рэйд ответил жёстко и зло. Сказал, что любит меня и не нуждается в её одобрении.

Однако слова имеют вес, особенно когда их произносят снова и снова, что Вивиен и делала.

8

Потом приехал сам генерал – высокий, суровый, с лицом человека, привыкшего командовать. Он не удостоил меня даже взгляда.

– Ты совершил ошибку, – сказал он Рэйду. – Опустил себя до уровня простолюдинки.

– Не смейте так говорить о моей жене! – возмутился Рэйд.

– Уверен, что она только твоя и не смотрит в сторону других мужчин? У простолюдинок простые и доступные нравы, – холодно парировал генерал.

Каждое гадкое слово убивало меня, но тогда я ещё верила, что любовь сильнее всего остального.

А потом на меня полился яд.

Вивиен не обвиняла напрямую, а намекала. Сначала будто между делом.

– Я видела Линарию на рынке. Слишком уж весело она разговаривала с мясником, а потом они скрылись в его магазине. Ты разрешаешь ей уединяться с другими мужчинами?

– Говорят, к ней часто заходят мужчины, когда тебя нет. Интересно, что они делают...

– Ты уверен, что знаешь её прошлое? Я слышала, что у неё было много любовников.

Вивиен находила свидетелей, готовых подтвердить её слова. Подкупленных, запуганных – я не знаю. Но они были.

Мы с Рэйдом начали ссориться.

Он стал смотреть на меня иначе. С сомнением. С болью. Я клялась, плакала. Умоляла его верить мне. Любить меня, как раньше.

– Я не могу поверить, что генерал и его сестра лгут, – сказал он однажды. – Они – честь королевства и никогда бы не запятнали своё фамильное древо ложью.

А потом он сказал то, что разбило моё сердце.

– Ты всего лишь простушка, Линария. Может, для тебя свободные нравы привычны, но если я узнаю, что ты и правда была с другим мужчиной, то выгоню тебя прочь, и ты никогда больше не увидишь своих детей.

Я помню, как закричала на него, пыталась достучаться до его разума и совести. На его сердце я уже не надеялась, потому что любовь Рэйда отцвела, как цветы-одногодки.

Я помню как мир раскололся на «до» и «после» тех слов. Рэйд запер меня.

Темница была холодной, каменной. Я сидела там, не зная времени дня. Не зная, сколько прошло дней и ночей. Я плакала, звала Рэйда, умоляла, чтобы он пришёл и поверил, что я ни в чём не виновата.

И он пришёл.

Я помню, как он стоял у решётки. Измождённый. Отчаявшийся.

Тогда я поняла, что его сердце не было мёртвым до конца, в нём ещё оставалось немного любви.

– Прости меня, – сказал он. – Мне не следовало запирать тебя здесь, но я был очень зол. Возвращайся в свою комнату, а после ужина я выслушаю всё, что ты хочешь мне сказать.

Он говорил тихо, устало, будто каждое слово давалось с усилием. Я видела в его глазах сомнение и стыд, но на дне взгляда всё ещё горели подозрения, которые в него вселили чужие слова.

Меня выпустили из темницы, и я наконец смогла увидеть детей.

Я помню, как дрожали ноги, когда я шла по коридорам дома. Как прижимала детей к себе, шептала, что всё хорошо, что мама рядом, что я больше никуда не уйду.

В тот момент я снова поверила, что всё можно исправить.

Я готовилась к вечерней встрече с мужем, как к самому главному событию моей жизни. Перебирала слова, отказывалась от упрёков, уговаривала себя быть спокойной, убедительной, честной. Я верила, что если Рэйд услышит меня по-настоящему, если посмотрит в глаза без чужого шёпота за спиной, мы сможем начать сначала.

Однако разговор не состоялся.

Вместо Рэйда пришли люди Вивиен. Взяли меня под руки и потащили в сад, а дальше...

Провал в памяти.

Чёрная, выжженная пустота.

Как будто кто-то вырвал целый кусок жизни, оставив лишь обугленные края. Я пытаюсь заглянуть туда – и ничего не вижу. Ни образов, ни слов, ни лиц. Только ощущение утраты и безымянного ужаса.

Помню только холод и чьё-то прикосновение к вискам.

Но теперь я знаю, что сделала Вивиен.

Она стёрла мою память и магию, отправила в лес на границе королевства и приставила Зильду за мной следить, чтобы я не вернулась.

Чтобы я исчезла.

Навсегда.

9

Стою посреди комнаты с закрытыми глазами.

Внутри меня такой шторм, что удивительно, как я до сих пор держусь на ногах. Всё, что было спрятано, удерживаемое печатью, разом обрушилось на меня, ломая, кроша, раздирая изнутри.

Память не щадит, показывает мне всё и сразу. Предательство, потерю и неизмеримую боль.

Мужчина, которому я доверила жизнь, детей, саму себя, позволил другим всё решить за него. Усомнился во мне, поверил лжецам. Пустил гадюку в наш дом и позволил ей отравить нашу жизнь.

Во мне не просто рана, а выжженная пустота, где когда-то была любовь.

Рэйд.

Вспоминаю его красивое лицо, когда-то любимое. Он оказался слабым человеком, а слабость иногда страшнее зла.

Вивиен.

При мысли о ней во мне разжигается ярость. Бурная, ослепляющая. Она поднимается из глубины, заставляет пальцы дрожать. Толкает меня к действиям, чтобы попытаться восстановить справедливость.

Но сильнее всех остальных чувств – тоска.

Она как тёмная вода, в которой тонешь.

Мои дети. Я вижу их лица так ясно, что хочется протянуть руки и обнять их. Вспоминаю, как малыши прижимались ко мне, как смеялись, как безоговорочно мне доверяли. Я оставила их. Не по своей воле, но разве это имеет значение?

Пытаюсь вдохнуть, но воздух застревает в горле. Давлюсь, выдыхаю из себя боль и отчаяние. Хочу закричать, но не могу. Крик застревает где-то внутри, разрастается.

Где мои дети?!

Что с ними сделали за это время? Кто рядом с ними? Знают ли они, что я жива? Думают ли, что я их бросила?

Я найду их.

Заберу их, чего бы мне это ни стоило.

Пусть мир рухнет. Пусть мне придётся пройти через огонь, кровь и страх. Пусть мне снова будет больно, это уже не важно.

Важно только одно: я их мать, и я иду за своими детьми. Найду их и заберу.

Наконец делаю глубокий вдох, а потом медленно выдыхаю.

– Спасибо, Калиэстор. Спасибо за то, что выполнили мою просьбу и сняли печать.

Голос звучит глухо, будто не мой. Открываю глаза, смотрю на Калиэстора и коротко киваю.

– А теперь прощайте.

Разворачиваюсь. Ноги подкашиваются, тело всё ещё слабое, будто из меня вынули опору, на которой я держалась годами. Кладу на тёмную столешницу оставшиеся золотые.

Делаю шаг к выходу, когда ощущаю движение за спиной.

Калиэстор подходит к столу, сгребает деньги в ладонь и в следующий миг оказывается рядом. Его пальцы сжимаются вокруг моей руки, и он кладёт золото в мою ладонь.

– Ты куда собралась? – грубо бросает он. – Совсем ушла лишилась?

– Я мать, – говорю спокойно, хотя внутри всё дрожит. – И я должна забрать своих детей. Рэйд недостоин того, чтобы называться их отцом. После того, как он поступил, он вообще ничего хорошего не достоин. Он повёл себя как последнее ничтожество. Моим детям нужна мать.

– У них теперь есть мачеха, – отвечает Калиэстор резко.

Слова бьют, как удар в грудь, и я непроизвольно делаю шаг назад.

– Что?..

– Вивиен, – продолжает он сухо. – Она замужем за Рэйдом.

Мир кренится, сходит с оси. Хватаюсь за стену, чтобы не упасть. Но я не могу позволить себе обморок, пока не узнаю всю правду до конца.

– Как... как она к ним относится? – вырывается у меня. – С ними... с ними всё в порядке?

Калиэстор закатывает глаза, показывая, что ответ очеви-

ден.

– А ты как думаешь?

Колени подгибаются, и только холодный камень под ладонью удерживает меня на ногах.

– Они... – голос срывается. – Они живы?

– Живы, но их отослали из дворца, – отвечает он.

Моих детей отослали, выгнали из родного дома при живом отце.

– Куда их отправили и почему? – Мой голос дрожит от гнева.

– Когда ты исчезла, обнаружили улики того, что ты сбежала с мужчиной.

– От... отк-куда они могли обнаружиться? – еле выговариваю, хотя и так знаю ответ. Вивиен хорошо подготовилась к тому, чтобы меня уничтожить.

– Думаю, ты и сама догадываешься, откуда. Против тебя было выдвинуто обвинение в измене Рэйдю. Генерал Лиордан привлёк мага, и тот подтвердил, что Рэйд не является отцом детей. Они заключили, что ты родила детей от любовника, а потом сбежала с ним, оставив детей.

– К-к-как они м-могли придумать такой бред?! П-простите, не буду больше задавать глупые вопросы, и так всё понятно. Если уж сам генерал в этом завязан, то никто не усомнится в его слове. А он ещё и мага привёз... Прошу вас, продолжайте!

– Вашу с Рэйдом брачную связь разорвали, и он женился на Вивиен. Она настояла, что раз дети не Рэйда, то им не место во дворце, и их отправили жить в деревню с бездетной семьёй. Возможно, это к лучшему, потому что они хорошие и

приличные люди, не чета Вивиен. Но если ты туда явишься, то детей тебе не отдадут и сразу поймают. Против тебя очень много обвинений, а ты не сможешь помочь детям из тюрьмы.

– Я всё равно пойду, – говорю упрямо. – Я ни в чём не виновата! Я заберу детей, и никто не посмеет меня остановить.

Калиэстор делает шаг вперёд и встаёт у меня на пути.

– Хватит говорить глупости! – говорит резко. – Кого ты пытаешься впечатлить? Надеюсь, не меня. Меня уже ничем не впечатлишь, поверь. Я хорошо различаю смелость и пустую браваду, как у тебя сейчас.

Он наклоняется чуть ближе.

– Что ты будешь делать, когда на тебя бросится охрана? Тебя сразу узнают и поймают, а Рэйд прикажет тебя схватить и наказать. Думаешь, тебя просто так подпустят к детям?

Я молчу, потому что знаю, что Калиэстор прав. Я и сама прекрасно понимаю, что просто так детей не забрать.

– Даже считая, что дети не его, Рэйд почему-то не убирает охрану. Возможно, он сомневается в заключении генеральского мага. А возможно, он догадывается, что однажды ты вернёшься за детьми, и поэтому устроил тебе ловушку. Вот так, Линария. А ты собираешься идти туда одна. Без плана. Без защиты.

– У меня есть план, – упрямо говорю я. – Я заберу детей и поеду в деревню, где родилась. Я умею шить и готовить, буду зарабатывать, нам хватит денег. Или увезу детей в другое королевство, где меня никто не знает. Не волнуйтесь, я справ-

люсь. Мне надо только забрать детей и скрыться от Рэйда.

Калиэстор усмехается.

– «Только» забрать детей и скрыться! Я тебе про это и говорю. Это будет непросто, но я дам тебе совет. Хочешь – пользуйся. Не хочешь – нет. Я всё равно его дам. Не ради тебя, а ради твоих детей. Невинные существа не должны расплачиваться за ошибки взрослых.

– Я буду благодарна вам за совет. Спасибо.

– Иди в бар «Последний соблазн» на окраине города, – говорит он. – Не удивляйся, это грязное, шумное место. Туда приходят те, кому нечего терять. Найди там человека по имени Рикан. Скажи, что тебя послал Калиэстор. Он мой должник, поэтому не сможет отказаться тебе помочь. – Маг усмехается. – Так же, как и я не смог отказаться. А если ты предложишь деньги, то Рикан тем более согласится. Он поможет тебе забрать детей и довезти их туда, куда ты скажешь. Иди, Линария! И будь добра, постарайся выжить. Ради детей.

В следующую секунду я оказываюсь сидящей на пне около старой, брошенной мельницы.

Я всё ещё в шоке. Сжимаю ладони в кулаки, пытаюсь унять дрожь. Хочется вскочить и побежать куда-то, кричать о несправедливости, о предательстве...

Но кому нужна моя правда, если сам генерал Лиордан замешан в заговоре против меня? Он помог своей сестре заполучить Рэйда и стереть всё и всех, кто стоял на пути.

Она стёрла меня, а потом отправила моих детей к незнакомцам.

Я хотела узнать правду, но не была готова к такой страшной лавине горя. Чувствую себя стекляшкой, по которой ударили молотом.

Конечно же, я понимаю, что одна не справлюсь. Ни с Вивиен, ни с людьми Рэйда, ни с той паутиной лжи, которую сплели вокруг меня.

Но и предложение Калиэстора тоже вызывает сомнения. «Последний соблазн» – даже по названию этого заведения очевидно, что ничего хорошего я там не найду.

Однако выбора нет. Я должна найти хоть кого-то, кто меня защитит. Нельзя идти безоружной в логово врага.

Бреду обратно по пыльной дороге. В голове всё ещё звучат откровения Калиэстора, и от этого мне так плохо, что хоть

кричи.

Навстречу идёт старик с морщинистым лицом и юркими глазами. Спрашиваю его, где находится бар «Последний соблазн», и он ахает и отшатывается от меня.

– Да ты что, девонька? Не делай этого! Ты же ребёнка носишь. Не падай так низко. Если голодна, пойдем, я тебя накормлю. Но в этот бар не ходи, не продавай себя.

Прекрасно.

Замечательно.

Что и требовалось доказать. Калиэстор сначала отчитал меня за опрометчивость и глупость, а потом отправил в самое подозрительное место в городе. Как будто я и сама не знаю, что мне понадобится помощь!

Но мне нужен надёжный человек, а не неизвестно кто, прожигающий жизнь в самом запущенном заведении города.

Пытаюсь объяснить старику, что мне нужно попасть в бар, чтобы найти там одного человека.

– Кого именно?

– Рикана.

Старик морщится и качает головой:

– Поверь, уж он-то тебе точно не нужен.

С одной стороны мне приятна его забота, а с другой... Как же меня раздражают люди, которые любят решать за других и навязывать своё мнение!

– Вы скажете, где находится бар, или мне спросить кого-то другого? – спрашиваю резко.

Старик продолжает ворчать, однако показывает направление. Однако при этом предупреждает:

– Они не откроются до вечера.

Ситуация меняется из плохой в очень плохую. Мне придётся идти в «Последний соблазн» в темноте.

Остаток дня я провожу в небольшой таверне. Пытаюсь составить хоть какой-то план, прокручиваю в голове варианты действий, но не придумываю ничего существенного.

Защитить меня некому. Мне не доказать, что я не изменяла мужу, и что дети – его. Слуги теперь наверняка на стороне новой хозяйки, и никто из них не посмеет даже пикнуть в мою защиту.

Родных у меня нет. Соседи в деревне не смогут предоставить никакие доказательства того, что я невиновна.

Я могу обратиться к магу и узнать, как определяют отцовство, но что-то мне говорит, что и этот путь заведёт в тупик, потому что никто не рискнёт пойти против мнения генеральского мага.

Другими словами, всё плохо.

Остаётся только один путь: пробраться к тому месту, где держат детей, узнать, как их охраняют, и найти способ их забрать.

А потом сбежать из королевства и надеяться, что Вивиен не позволит Рэйду нас искать.

План прост – и одновременно безумен. Но другого у меня нет. И я должна попробовать. Обязана.

За медную монету сын владельца таверны провожает меня к «Последнему соблазну». Воздух здесь пахнет дымом, кислой брагой и чем-то приторным, тяжёлым, липким, будто сам воздух пропитан грехом. Ещё издалека я слышу музыку, к ней примешивается грубый смех. Грубый, пьяный, слишком громкий. Иногда – выкрики, иногда – брань, иногда – звон бьющейся посуды.

Чем ближе мы подходим, тем сильнее сжимается всё внутри. Сердце колотится неровно, ладони становятся влажными. Я неосознанно прикрываю живот рукой – защитный жест, который не поможет, если случится что-то плохое.

«Последний соблазн» зазывает меня внутрь облупившейся вывеской и красным фонарём у входа. Свет в окнах мутный, жёлтый. Дверь распахнута настежь, и из неё валит шум, дым и смесь запахов – пот, жареное мясо, дешёвые благовония.

– Дальше сама, – быстро говорит парень, который меня проводил, и прежде чем я успеваю что-то сказать, исчезает в темноте переулка.

Я остаюсь одна.

Стою несколько мгновений перед входом, слушая музыку и смех и ощущая, как дрожат колени. Потом глубоко вдыхаю, собираю остатки решимости и захожу внутрь.

Внутри – полумрак. Воздух густой от дыма и пара. Пол липкий, столы исцарапанные, лавки кривые. Люди сидят вплотную друг к другу: наёмники с грубыми лицами, жен-

щины в слишком открытых платьях, торговцы, шулеры – те, кто живёт сегодняшним днём и не задаёт лишних вопросов. Кто-то хохочет, кто-то ругается, кто-то спит, уронив голову на стол.

Музыканты в углу играют без остановки, будто боятся тишины. За стойкой трактирщик разливает мутные напитки.

Я делаю ещё один шаг внутрь, и дверь за моей спиной захлопывается.

Назад дороги нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.